

ЛОГИКА АБСУРДА В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ

Эстетика и логика абсурда начали разрабатываться на рубеже XIX и XX вв. Эти разработки в литературе носили характер эксперимента в целях поиска нового языка и стиля. Однако в XXI в. в связи с развертыванием постмодернистского социального проекта абсурд стал характерной чертой не только социокультурной реальности, но и политической сферы. Это говорит о возможности использования абсурдистской логики в исследовании социокультурных, политических и коммуникативных феноменов и ставит перед теорией задачу выработать новые методологические ориентиры производства гуманитарного знания, с учетом того, что форматы его представления в научно-образовательных практиках стремительно меняются.

Ключевые слова: логика абсурда, неравновесность, синергетика, распредмечивание, хаос, политическое.

В соответствии со словарными нормами абсурд (от лат. *absurdus*, «нестройный, нелепый»; от лат. *ad absurdum*, «исходящий от глухого») – нечто нелогичное, нелепое, глупое, из ряда вон выходящее, противоречащее здравому смыслу, а логика (др.-греч. *λογική* – напротив, «наука о правильном мышлении», «искусство рассуждения», «мысль») – наука о формах, методах и законах интеллектуальной познавательной деятельности, формализуемых с помощью логического языка. Это знание получено разумом, следовательно, логика определяется как наука о формах и законах правильного мышления.

Получается, что словосочетание «логика абсурда» – оксюморон, нелепость вроде сухой воды, поскольку в логике по определению

не может быть абсурда, а у абсурда логики. Тем более в применении к политике, которая как будто бы должна действовать в поле рациональности, преследуя чьи-то достаточно внятные интересы.

Но и в самой логике достаточно много абсурдных лакун, которыми она успешно оперирует. Сформулированные еще в древности парадоксы фактически являются абсурдными утверждениями. Например апории (от др.-греч. ἀπορία, трудность) Зенона¹. Наиболее известные из них «Ахиллес и черепаха», «Летящая стрела», «Дихотомия». В них логическим путем доказывалось отсутствие движения и множественности. Апория «Дихотомия» формулируется примерно так: «Чтобы преодолеть путь, нужно сначала преодолеть половину пути, а чтобы преодолеть половину пути, нужно сначала преодолеть половину половины, и так далее. Следовательно, невозможно не только достигнуть конца пути, но и даже начать движение». При всей очевидной нелепости вывода опровергнуть исходные посылки и логику рассуждений не так просто, как кажется на первый взгляд. Даже математик Бертран Рассел писал, что они затрагивают основания почти всех теорий пространства, времени и бесконечности, предлагавшихся с его времени до наших дней. И действительно дискуссии относительно апорий Зенона продолжаются до сих пор, углубляя понимание фундаментальных представлений о дискретном и непрерывном, целостном и единичном, общем и частном и т. п. Еще один пример – известный в логике закон тождества, утверждающий самоидентичность любого объекта научного исследования. С одной стороны, очевидно, что если A не всегда окажется равным A , то станет непонятным, что мы вообще исследуем. С другой стороны, если A всегда тождественно A , то оказывается невозможной динамика развития. Если применить закон тождества к субъекту, то мы увидим следы древних апорий, поскольку обязаны будем предположить, что не существует никакого становления, движения, взросления и старения, что абсурдно. Острой критике закон тождества подверг философ о. Павел Флоренский в своем понимании истины² как сверхрациональной целостности и абсолютной реальности, в то время как формула закона тождества символизирует смертоподобную неподвижность, статическую изоляцию. Эта самая сверхрациональная (трансрациональная) целостность, будучи живой, должна содержать переход от A к не- A . «Другое» есть в то же самое время «не другое». Собственно, только это позволяет соединить в одном объекте самоидентичность и становление. Впрочем, Флоренский полагал, что приятие такой формулы возможно только в процессе религиозного переживания, утверждающего «конкретное единство Отца, Сына и

Духа Святого», что означает переход существа из состояния полного отделения *A* в другое не-*A* и устанавливает любовью сосуществование с ним.

Все сказанное выше служило оправданием использования понятия «логика абсурда» в теоретическом дискурсе, в том числе и относительно политики. Это дает право на существование и других оксюморонов и тавтологий, таких, например, как «устойчивое развитие» или «суверенная демократия». Однако на практике логика абсурда разворачивается в несколько ином плане.

Логика абсурда в политике с позиции обывателя – это на самом деле примеры абсурда в том или ином политическом действии или решении, т. е. возникновение непонимания, недоумения у граждан, не видящих никакого рационального смысла в той или иной реформе, законе или инициативе. И дело не в том, что иные политические решения воспринимаются как ошибочные, неправильные или некомпетентные, такое тоже не редкость, а именно в их нелепости, бессмысленности и отсутствии ответа на вопрос «Зачем?», ясно построенной цели. Из последнего в качестве примера можно упомянуть рокировки с зимним/летним временем, введение ЕГЭ, да и вообще широкомасштабную реформу образования, и конечно уничтожение Российской академии наук. Недопонимание разрушает коммуникацию общества и власти, но более того, создает смысловой вакуум, приводящий к построению самых разнообразных объяснительных схем, распространяющихся в основном в форме слухов, от подозрения в некомпетентности руководства и алчности элит до сложных конспиратологических моделей. Не отрицая возможности участия в какой-то степени всех этих факторов, предполагаю все же, что логика абсурда становится системным свойством политики в эпоху постмодерна.

В этой связи хочу поделиться собственными постперестроечными наблюдениями. После 1991 г. куда-то пропали популярные ранее в СССР политические анекдоты. Более того, в связи с хлынувшей из СМИ разоблачительной информацией то, что казалось ранее смешным (т. е. фантастическим, парадоксальным, нелепым), переместилось в область реального. Да и новая реальность оказалась зашифрованной в прежних анекдотах. Расскажу такую историю – некто чем-то особенно порадовал генсека, и ему в благодарность предложили госпремию, звание генерала и пожизненный кремлевский паек. Но он от всего этого отказался, попросил только предоставить ему в личное пользование один метр государственной границы. Абсурд? Оказывается, не совсем. В одной из передач Караулова «Момент истины» был сюжет, повествующий о том,

что в Петербурге работает частный таможенный терминал, неподконтрольный государству. Случилось то, что не может случиться, потому что не может случиться никогда. Таких примеров, к сожалению, можно привести и больше.

Впрочем, не менее абсурдной представляется как внутренняя, так и внешняя политика наших соседей. Например, почему одним из первых решений нового президента католической Франции была легализация однополых браков, т. е. решения, немедленно сделавшего его непопулярным в самой Франции. И почему тема сексуальных меньшинств продолжает оставаться в повестке дня политического дискурса и средств массовой информации? Почему США упорно развязывают маленькие, но отнюдь не победоносные войны, и почему их поддерживает Европа, когда в результате ее захлестывает вал новых эмигрантов, как было после Косово и Ливии? А на очереди уже и Сирия, война в которой станет не только дальнейшим падением престижа США, но и реальной опасностью войны уже регионального, а может быть, и мирового масштаба, гибелью американских солдат, вооружением террористов химическим оружием промышленного производства с разграбленных правительственных складов. Каждому из этих событий найдется масса конкурирующих и противоречащих друг другу схем-объяснений, экономических, геополитических, социокультурных, конспиратологических, но ни одно из них не является исчерпывающим и не приводит к сколько-нибудь полной и рациональной картине происходящего. Сама по себе множественность объяснительных схем указывает на то, что уже недостаточно просто логики, а нужна логика абсурда.

Воспользовавшись логикой абсурда, можно объяснить приведенные выше примеры попыткой формирования организованного хаоса, и даже управляемого хаоса. Последнее, впрочем, невозможно, хотя и абсурдно. Определенный смысл в этом есть – социально-политическое деструктурирующее действие приводит к разрушению разного рода связей и высвобождению большого количества социальной энергии, как при горении. Небольшую часть этой энергии можно попытаться утилизировать, создавая новые структуры, новые социальные лифты и т. п. В этом, вероятно, смысл всех революций и прочих социальных потрясений: «Весь мир насилия мы разрушим, до основания, а затем... Мы наш, мы новый мир построим, кто был ничем, тот станет всем». Конструкторы хаоса на первых этапах его развития действительно получают некоторые дивиденды, но затем, как показывает история, их самих затягивает в воронку.

Неверно думать, что кто-то, герой или группа единомышленников, способны сознательно, с помощью рационального плана, изменить ход истории. С синергетических позиций, социальная система развивается, балансируя между сохранением стабильности и дозированной неравновесностью, утилизируя энергию нестабильности, до тех пор пока не достигнет точки крайней неравновесности, т. е. точки бифуркации. Это состояние таково, что достаточно минимального воздействия с любой стороны, чтобы система скачкообразно перешла в другое состояние, вероятнее всего, в состояние хаоса, что в теории называется катастрофой³. Однако затем, как показали работы И. Пригожина⁴ и его последователей, хаос начинает самоорганизовываться, в нем возникают так называемые странные аттракторы, т. е. организованности типа дрейфующих волчков, подобных торнадо. «В странном аттракторе система движется от одной точки к другой детерминированным образом, но траектория движения в конце концов настолько запутывается, что предсказать движение системы в целом невозможно – это смесь стабильности и нестабильности. И, что особенно удивительно, окружающая нас среда, климат, экология и между прочим наша нервная система (и социально-политическая система. – А. К.) могут быть поняты только в свете описанных представлений, учитывающих как стабильность, так и нестабильность. <...> Указанные объекты детерминированы странными аттракторами и, следовательно, своеобразной смесью стабильности и нестабильности, что крайне затрудняет предсказание их будущего поведения»⁵. Их взаимодействие в итоге может вернуть систему в состояние, где стабильность все-таки будет доминировать над нестабильностью, т. е. превратить ее в линейную систему⁶, причем жесткую в той степени, в какой необходимо проектирование ее будущего. Это и есть синергетическая формула эпохи модерна, представленного тремя различными по идеологии, но сходными по своим фундаментальным системным свойствам моделями: коммунистической, национал-социалистической, либеральной⁷.

Иными словами, эпоха модерна характеризовалась периодическими социальными катастрофами в отдельных странах и регионах мира с последующим возникновением и стабилизацией новых организованностей. Однако к эпохе постмодерна подобная модель ограниченно применима из-за глобализации. Следствием глобализации являются трансграничные переходы странных аттракторов, например возникновение такого принципиально нового явления, как международный террористический интернационал. Чисто модернистская идея экспорта революции провалилась, тог-

да как экспорт нестабильности успешно реализуется, поскольку допущение возможности экспорта революции основывалось на прогрессивистской идее линейного тарана жестко структурированной общественной системы, в то время как вихревые возмущения, свойственные транспорту нестабильности, быстро адаптируются к неравновесным сферам общественной жизни.

Следует отметить также возникновение информационно-коммуникативного пространства и в целом усиление коммуникативных факторов социального и политического бытия, т. е. расширение списка значимых параметров и их вариативности. В информационно-коммуникативном пространстве рождаются и умирают новые организмовности, информационно-коммуникативные странные аттракторы.

Иными словами, социально-политическая реальность эпохи постмодерна – плавильный котел уже мирового масштаба с принципиально непредсказуемым будущим, для которого уже не работают классические экономические, геополитические, социологические и тому подобные объяснительные схемы.

Возвращаясь к логике абсурда, отметим, что разработка этой тематики началась на рубеже XIX–XX вв. у таких авторов, как С. Кьеркегор, Ф. Ницше, А. Камю, т. е. в рамках философского течения экзистенциализма. Но интереснее рассмотреть не философскую рефлексию этого феномена, а художественное провидение. Вспомним Ф.М. Достоевского и его «проклятые вопросы», которые принципиально не могли быть решены рациональными средствами. Родион Раскольников был абсолютно прав с точки зрения здравого смысла, взвешивая на весах жизнь старухи процентщицы и те блага, которые могут принести ее несправедливо нажитые деньги бедствующим молодым и талантливым людям, а через них и всему человечеству. Его *преступление*, подготовленное с эпилептоидной тщательностью, было вполне логичным, рациональным и, по сути, правильным. Однако, как это ни парадоксально, сразу же после него он был награжден без-Умием, что и сам отметил лишь только избавившись от награбленного: «Если действительно все это дело сделано было сознательно, а не по-дурачки, если у тебя действительно была определенная и твердая цель, то каким же образом ты до сих пор даже и не заглянул в кошелек и не знаешь, что тебе досталось, из-за чего все муки принял и на такое подлое, гадкое, низкое дело сознательно шел? Да ведь ты в воду его хотел сейчас бросить, кошелек-то, вместе со всеми вещами, которых ты тоже еще не видал... Это как же?» «Да, это так; это все так»⁸, – отвечает своему герою Достоевский. Подобное

безумие оказалось первым шагом к спасению, шанс на которое он получил уже в форме *наказания*, на каторге.

Мысль о том, что рациональность и логика могут действительно привести к состоянию преступления, для выхода из которого требуются абсурдные и экстравагантные действия, проходит красной нитью через все романы Федора Михайловича. Здесь типичный абсурдистский парадокс – рассудок толкает на аморальное действие, в то время как абсурд (безумие) возвращает социальную и личностную внятность. В этой связи уместно привести здесь слова великого русского художника В.М. Васнецова: «Христианское учение о нравственности тесно связано с верой в бессмертие человеческой души и с верой в Христа как Сына Бога Живаго, утвердившего эту веру на земле. <...> Если Христос Иисус только лучший, умнейший, возвышеннейший человек, то нравственное его учение теряет силу обязательности. <...> Не разумнее ли спасать и оберегать здоровых и сильных (как у древних), а слабых и больных предоставить их участи? <...> Зачем мне стремиться лично делать добро, если зло мне лично выгоднее? <...> А у науки нет незыблемых оснований возразить против такой теплой морали. Правда, такую мораль можно назвать звериной, но ведь человек с одной своей наукой, без Бога и Христа, неудержимо стремится к идеалу человека – культурного зверя, ибо если человек не носит в себе образа и подобия Божия, то, конечно, он зверь – высший зверь – образ и подобие зверино»⁹.

В дальнейшем абсурд стал главным методом художественного осмысления реальности у некоторых писателей. Наиболее яркими были представители объединения реального искусства (ОБЭРИУ): Даниил Хармс, Александр Введенский, Николай Заболоцкий и др. Стержнем абсурдистской эстетики того времени можно считать распрямление в процессе создания художественного образа. Это прямо противоположно рациональному опредмечиванию, объективирующему реальность посредством приписывания ей уже известных стереотипных качеств.

«Я усомнюсь, что, например, дом, дача и башня связываются и объединяются понятием “здание”. Может быть, плечо надо связывать с четырьмя... И я убедился в ложности прежних связей, но не могу сказать, какие должны быть новые»¹⁰.

Подобный предельный релятивизм, совместность несовместного, сочетание несочетаемого нашли свое развернутое выражение в постмодерне. Поскольку доминирующий художественный стиль эпохи есть свернутое отражение ее глубинных системных качеств, эпистемических характеристик, форм отношений и коммуникаций, то можно предположить, что и политика эпохи постмодерна также

приобретает черты логики абсурда. Поэтому тот факт, например, что США в одной стране борется с террористами, а в другой их всячески поддерживает, говорит о распредмечивании политического на практике, его атомизации и утрате традиционных коммуникативных скреп и управляемости.

В целом при знакомстве с пластом абсурдистской литературы начала прошлого века возникает ощущение ее крайней актуальности. Она более адекватна реальности XXI в., чем XX. Это наводит на мысль о возможности использования абсурдистской логики в исследовании социокультурных, политических и коммуникативных феноменов. В частности речь идет о допустимости включения в описательные схемы различных противоречащих друг другу концептов, а также о технологии распредмечивания, готовности «посмотреть на предмет голыми глазами»¹¹, умеренном рационализме, признающем не только сциентистский, но и антисциентистский подход, не только дискурс, но и нарратив, в качестве полноправных форматов представления научного знания и факторов его производства. Кстати, такой подход позволит наконец коммуникатологии найти свой предмет – коммуникацию, которая есть нечто одновременно разделяющее и соединяющее, немислимое без участников коммуникации и одновременно мыслимое вне их. «Плюрализм аспектов изучения коммуникации обуславливает необходимость использования обобщающих познавательных стратегий и форм познания, т. е. научных теорий». А значит, существует «необходимость выработки и развития согласующихся профессиональных языков в изучении и реализации современных коммуникаций; интеграции коммуникативных наук с культурой как мегатекстом, знаково-символической системой социума...»¹².

Иными словами, перед теорией стоит задача выработать методологические ориентиры производства гуманитарного знания с учетом того, что форматы его представления в научно-образовательных практиках стремительно меняются, а эпистемы профессиональных сообществ все более отдаляются друг от друга как внутри отдельных сфер деятельности (например, сферы теории и практики PR разделены даже на уровне тезауруса), так и при междисциплинарном взаимодействии. Сегодня, нет надежды на то, что в науке может быть выработан единый язык даже на методологическом уровне. Однако современные информационно-коммуникативные технологии все-таки предлагают некоторое решение, позволяющее совместить автономное и продуктивное существование локализованных эпистем с возможностью их взаимодействия на уровне понимания. Оно основывается на разработке третьей версии сети (WEB 3.0), а нам остается надеяться на эффективность подобного решения.

- ¹ См.: *Лосев А.Ф.* Зенон Элейский // *Философская энциклопедия*. М.: Советская энциклопедия, 1962. Т. 2. Цит. по: *Ивин А.А.* По законам логики. М.: Молодая гвардия, 1983.
- ² См.: *Флоренский П.* Столп и утверждение Истины. М.: Правда, 1990. Репринт 1914 г.
- ³ См.: *Постон Т., Стюарт И.* Теория катастроф и ее приложения. М.: Мир, 1980.
- ⁴ Илья Пригожин – бельгийский физико-химик, лауреат Нобелевской премии – считается родоначальником синергетики. Основные идеи синергетики изложены в книге: *Prigogine I., Stengers I.* Order out of chaos: Man's new dialogue with nature. L.: Heinemann, 1984. На русском языке: *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: Пер. с англ. / Общ. ред. В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича, Ю.В. Сачкова. М.: Прогресс, 1986.
- ⁵ *Пригожин И.* Философия нестабильности // *Вопросы философии*. 1991. № 6. С. 46–57.
- ⁶ В линейной системе результат воздействия пропорционален силе воздействия.
- ⁷ См.: *Калмыков А.А.* Судьба политического в цивилизации модерна: эконсихологический анализ // *Вестник РГГУ. Серия «Политология. Социально-коммуникативные науки»*. 2011. № 1. С. 9–15
- ⁸ *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 6: Преступление и наказание. Л.: Наука. 1973. С. 86.
- ⁹ *Васнецов В.М.* Письма. Дневники. Воспоминания. Суждения современников. М., 1987. С. 218.
- ¹⁰ *Липавский Л.* Разговоры // Введенский А. Всё. М.: ОГИ, 2010. С. 593.
- ¹¹ Из «Декларации ОБЭРИУ», опубликованной в 1928 г. в № 2 журнала «Афиши Дома печати».
- ¹² *Клягин С.В.* Коммуникация: социальные горизонты слова // *Современные коммуникативные науки. Социальные практики как совместность слова / Отв. ред. А.П. Логунов*. М.: ЛЕНАРД, 2014. С. 13–29.